

Геополитика самоизоляции

Конфронтация с Западом стала условием существования российской политической системы, но резко повысила цену ошибок при проецировании силы | **ПАВЕЛ БАЕВ**

Политика России в украинском кризисе стало не просто испытанием, но настоящим краш-тестом для той системы европейско-атлантической и азиатско-тихоокеанской безопасности, которая строилась на нормах сотрудничества. Решительность Москвы, отринувшей эти нормы и приступившей к реализации права сильного, ошеломила европейских, американских и евразийских партнеров и породила подозрения в том, что в таинственных кремлевских коридорах утрачено чувство реальности. Современная западная (равно как и китайская) путинология действительно не смогла своевременно диагностировать мутацию режима, которая сделала неизбежным отказ России от западных правил поведения и готовность перехода к конфронтации¹. В данной статье речь пойдет о параметрах международной обстановки, которые способствовали ускорению этой опасной мутации и будут определять риски ее финальной стадии.

Неизбежность силового вмешательства России в революционную ситуацию на Украине была связана главным образом с внутренними причинами, но оценки внешних воздействий и противодействий — от роли западных спонсоров Майдана до действенности возможных санкций — были крайне важны в принятии критических решений. Атипичное по авантюристике решение о стре-

мительной аннексии Крыма вписывается в давно вызревавшую философскую картину многополярного мира, в котором дряхлеющий Запад цепляется за свои привилегии и манипулирует «цветными» революциями, но не может противостоять напору новых динамичных центров силы². Решительная игра на опережение должна была обеспечить России прорыв в деле ограничения устаревшей системы безопасности, но диалектика «действие — противодействие» сыграла против этих расчетов. Результатом российского прорыва стало сплочение европейцев вокруг американского лидерства, новая осмысленность в работе НАТО и осознанная необходимость в укреплении пошатнувшихся норм и устоев³. Россия вошла в конфронтацию, в которой шансов на успех у нее практически не существует.

Вниз по лестнице, ведущей в Крым

Чем яснее в ретроспективном анализе становится жесткая предопределенность российской интервенции в украинский кризис, тем острее встает на Западе вопрос о том, что этот интервенционизм необходимо было купировать раньше, проводя стратегию превентивного сдерживания. С новой силой звучат аргументы, в которых пятидневную войну с Грузией в августе 2008-го следовало воспринимать как доказательство того, что политика исконно авторитарной России

носит имманентно агрессивный характер⁴. Решение перевернуть грузинскую страницу и провести «перезагрузку» российско-американских отношений в этом контексте оценивается как грубая стратегическая ошибка администрации Барака Обамы, усугубленная программой Евросоюза «партнерство для модернизации»⁵. Эдвард Лукас, автор нашумевшей книги *The New Cold War: Putin's Russia and the Threat to the West* (N. Y.: Palgrave Macmillan, 2008), доказывает с сознанием теперь уже неоспоримой правоты: «Благодушное отношение к России, имевшее

в которой российская армия продемонстрировала готовность к ведению войн нового типа — без танковых колонн, но с полной деморализацией противника⁸. Потенциал для проведения таких спецопераций был обеспечен в ходе эксперимента с радикальной военной реформой, но решение на его использование стало следствием впечатлений (было бы преувеличением говорить об анализе) российского руководства, наблюдавшего со стороны за урегулированием международных кризисов последнего пятилетия⁹. (См. статью Александра Гольца на с. 45–56)

“На рубеже нового десятилетия Путин и его окружение увидели возможность изменить положение России по отношению к евроатлантическому центру силы”.

место в прошлом, было ошибкой, но нынешнее возмущение лишено логики, а потому немногим лучше»⁶. Какой бы фальшивой ни выглядела сейчас заявка на «модернизацию», сделанная зиц-президентом Дмитрием Медведевым, она обозначила сценарий выхода из тупика путинизма, который, однако, был перечеркнут усилиями охранителей режима, сущностно несовместимого с модернизацией. Этот сценарий и был положен в основу рабочего плана «перезагрузки», провал которой отнюдь не доказывает ее изначально ошибочность.

Война с Грузией действительно оказалась прологом к интервенции против Украины, но в этой последовательности конфликтов нет такой жесткой предопределенности, которая просматривается, к примеру, между первой и второй чеченской войной. Активно провоцируя грузинское руководство, Москва тем не менее была захвачена врасплох ударом по Цхинвали — в немалой степени из-за перетрясок в руководстве вооруженных сил и провалов в разведке⁷. Аннексия Крыма была сугубо неспровоцированной интервенцией,

Самые яркие впечатления такого рода произвела серия бурных протестов и гражданских войн на Ближнем и Среднем Востоке, начавшаяся в Тунисе в январе 2011 года и до сих пор именуемая «арабской весной». Многотысячные демонстрации на площади Тахрир в Каире, завершившиеся в течение нескольких недель падением режима Хосни Мубарака, не могли не вызвать ассоциаций с «оранжевой революцией», которая оставалась серьезной политической травмой для Кремля, несмотря на то что после избрания Виктора Януковича президентом Украины в феврале 2010-го эта тема, казалось бы, была закрыта. Настоящим шоком безусловно стала гибель ливийского лидера Муамара Каддафи, которая затронула личные фобии Путина столь глубоко, что он вернулся к этой теме на «прямой линии» в апреле 2014 года, сообщив, что не присоединение Россией Крыма, а именно этот эпизод стал концом «перезагрузки» в отношениях с США¹⁰.

Кровавый конец Каддафи в сильной степени определил линию поведения России в сирийском кризисе, которая увенчалась

впечатляющим успехом: российская инициатива, нацеленная на уничтожение арсенала химического оружия, сработала выше всех ожиданий и оказалась спасительной для руководства США.

Ловко уклонившись от технической реализации этой недешевой инициативы, ее авторы тем не менее посчитали этот «мастерский дипломатический пируэт» (по выражению Федора Лукьянова) выдающимся триумфом российской внешней политики¹¹. Суть этой завышенной самооценки заключалась в том, что предотвращение точечного ракетного удара США было представлено как полный крах доктрины «гуманитарных интервенций». Доктрина эта, в свою очередь, считалась прикрытием для полуправовой концепции «управляемого хаоса», которая якобы лежала в основе действий США, направленных на смену неудобных им режимов¹². Москву нимало не волновал подлинный хаос гражданской войны в Сирии, важно было только то, что Россия доказала способность противостоять плану США (на самом деле, весьма осторожным) и тем самым утвердила свой статус «незаменимой» державы.

А в мировом масштабе?

Коренное отличие украинского кризиса от недавних потрясений на арабском Востоке, с точки зрения российского руководства, заключается в том, что он непосредственно включен в схему противоборства «центров силы». Если в Ливии и Сирии США и НАТО экспериментируют со своей концепцией «управляемого хаоса», не затрагивая основных силовых линий многополярного мира, то создание такого «хаоса» на Украине, согласно этим представлениям, прямо направлено на приращение потенциала центра силы, сформированного Евросоюзом и НАТО, за счет российского центра силы. Таким образом, Запад навязал России более масштабное столкновение, чем в 2008 году

вокруг Грузии: последнее было инициировано главным образом руководством США, тогда как сейчас основной движущей силой борьбы за Украину выступает ЕС, а «застрельщиком» — Польша. В этой картине перехода от парадигмы сотрудничества к противостоянию Россия предстает обороняющейся стороной, вынужденной защищать свои коренные интересы против Запада, который ведет наступление в зоне своих периферийных интересов¹³.

Способность к такой защите определяется двумя основными тенденциями, подспудно нараставшими в европейской системе безопасности. Во-первых, следствием глубокого экономического кризиса, который начался в США и больше всего ударил по ЕС, стали прогрессирующее ослабление и нарастающая разобщенность Запада. В России спад был еще более глубоким, вызвав сильнейший политический шок, но оказался относительно кратковременным, так что с начала 2010-го возобновился экономический рост.

На рубеже нового десятилетия Путин и его окружение увидели возможность изменить положение России по отношению к евроатлантическому центру силы и уйти в «одиночное плавание» (по выражению Дмитрия Тренина), вместо того чтобы оставаться частью его «догоняющей периферии»¹⁴. Эта метафора была гораздо точнее, чем утопия «Союз Европы»¹⁵, но при этом самостоятельность российского «плавания», как оказалось, может достигаться только целенаправленным нагнетанием напряженности по линии разлома. Россия объективно находится в мощном поле притяжения Европы, которое может быть преодолено только конфликтным отталкиванием — к марту 2014 года оно как раз достигло требуемой эффективности. Медленно выходящая из кризиса Россия вряд ли может позиционироваться как растущий центр силы, подобный Китаю или даже Индии; рост ее силового потенциала — вели-

чина относительная к упадку Европы; новая конфронтация выявляет глубину этого упадка и недостаточность воли к его преодолению.

Во-вторых, способность России противостоять посягательству на ее зону «привилегированных» интересов определялась тем, что правила и запреты, которые утвердились в европейской системе безопасности после развала СССР и завершения балканских войн, стали устаревать. Попыткой ревизии этих норм была инициатива президента Дмитрия Медведева по реформе Организации по Безопасности и Сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), которую большинство стран-участниц отказались обсуждать по существу, увидев в ней едва замаскированную установку на ослабление НАТО¹⁶. Уверенность в том, что вопрос о кардинальном взломе этих правил назрел, пришла к российскому руководству постепенно — и может оказаться ложной. Немаловажную роль здесь, видимо, сыграл нарастающий конфликт между Европейской Комиссией и Газпромом, против которого было начато антимонопольное расследование, грозящее аннулировать его привычные привилегии¹⁷. Серьезное раздражение вызывала и программа Восточное Партнерство, которая конкретизировала амбиции Евросоюза, стремившегося определять развитие шестерки соседей России¹⁸. Для Кремля это стало свидетельством того, что игра по старым правилам приведет только к болезненным поражениям, тогда как решительный переход на новые — жестко-силовые — основания даст России преимущество инициативы.

Аннексия Крыма, таким образом, показала разительную несовместимость двух образов желаемого будущего. Для политиков западного мейнстрима эта перекоройка границ является попыткой применить практики XIX века (а также воспроизвести гитлеровский аншлюс) в уникально институционализированном регионе мира, где не должно быть

места «жесткой силе». Для российских лидеров эта блестящая операция стала моментом преодоления исторически тупикового постмодернизма пацифистской Европы и прорывом в будущее, принадлежащее динамичным и хорошо вооруженным хищникам.

Местоположение в послекрымской системе координат

Вопрос о том, была ли аннексия Крыма реализацией стратегического замысла или кризисной импровизацией, может долго оставаться неразрешенным (едва ли в кремлевских архивах найдутся документальные свидетельства), но трудно усомниться в том, что последствия этого «прорыва» не были и не могли быть просчитаны. Россия оказалась в крайне непривычном международном положении, где подвести баланс рисков и возможностей было настолько сложно, что пришлось пожертвовать инициативой и взять паузу, которую Киев смог использовать для проведения президентских выборов. На момент написания этой статьи результаты этих выборов превосходят умеренно-оптимистические ожидания (что, разумеется, не исключает новых крутых поворотов), но вынужденная пассивность России в течение майских недель, когда вспышки украинского кризиса следовали одна за другой, дает возможность соотнести бесспорные приобретения и явные, хотя и непризнанные потери ее нового геополитического баланса.

Несомненным плюсом является доказанная способность к применению военной силы в новых формах, недоступных для большинства соседей, и наличие политической воли к рискованным экспериментам. Небесспорным плюсом можно считать решимость противостоять жесткому давлению США, которая не могла не произвести впечатление на разнокалиберные антиамериканские силы, в том числе и в Европе¹⁹. Еще

одним плюсом стала громко заявленная сплоченность политической элиты перед угрозой персональных санкций, которые ударили по некоторым коррупционным схемам, но не затронули чувствительных интересов широких бюрократических масс.

Сумма минусов представляется значительно более весомой в первую очередь из-за того, что Россия понесла (а точнее — нанесла сама себе) серьезный репутационный ущерб, грубо нарушив тот самый принцип нерушимости государственного суверенитета, кото-

отношения России со всеми стратегическими партнерами, не исключая даже Казахстан.

Такой глубокий перевес минусов повлиял и на стандартный баланс возможностей и рисков, вынуждая Москву активнее использовать первые и меньше обращать внимания на вторые. Наиболее богатые возможности открывались в манипулировании созревшими источниками нестабильности в Восточной и Южной Украине, и российское руководство без задержки приступило к конструированию очагов вооруженного

“В середине мая, буквально на последней черте, Путин пошел на попятную и дал настоящий приказ на отвод войск, которые находились в готовности к интервенции”.

рый она отстаивала как основополагающий в многополярном мире. Москва целенаправленно выстраивала позицию неукоснительного поборника международного права и сторонника укрепления роли ООН как арбитра в вопросах применения этого права — однако в новых обстоятельствах отбросила все правовые церемонии и предъявила силу в качестве решающего аргумента²⁰. Прямой эффект применения санкций был — и должен был быть — ограниченным, но сам факт установления режима санкций в сочетании с эффективным уничтожением репутации превратил Россию, претендовавшую на роль конструктора нового мирового порядка, в аутсайдера, попавшего под режим санкций.

Еще одним немаловажным минусом стал шоковый эффект, который заставил европейские государства провести экстренную ревизию механизмов безопасности и укрепил центральную роль НАТО²¹. Говорить об изоляции России было бы преувеличением — этому противоречит как минимум майский визит Путина в Китай и июньский в Нормандию, — но жесткая конфронтация на западном фронте стала фактором, серьезно осложнившим

сепаратизма. Первая боевая группа «зеленых человечков» эффективно сработала в Славянске, после чего несколько городов в Донецкой области перешли под контроль «народного ополчения», а попытки Киева восстановить управляемость путем «контр-террористической операции» окончились провалом. По мере того, как интенсивность вооруженных столкновений быстро нарастала, разыгрывание вариантов дестабилизации перестало выглядеть хитрым маневром: в глазах западных аналитиков Россия целенаправленно добивалась расчленения Украины.

Путин оказался в ситуации, когда кризисная эскалация контролировалась не Кремлем, а малоуправляемыми полевыми командирами. Это заставило его в середине мая, буквально на последней черте, пойти на попятную и дать настоящий приказ на отвод войск, которые находились в готовности к интервенции слишком долго, так что июньские «внезапные проверки боеготовности» уже выглядели малоубедительно²².

Западные лидеры и в первую очередь, руководство Германии приложили максимум усилий, чтобы объяснить Путину масштаб

последствий, сопряженных с более наступательной альтернативой майской дилеммы. Выход на новый уровень конфронтации был чреват серьезными экономическими потерями, но имел и много позитива в виде сохранения инициативы на «украинском фронте» и мобилизации патриотического энтузиазма внутри России, тем более что решимость Евросоюза ввести новый пакет санкций оставалась под большим вопросом²³. Путин тем не менее предпочел проявить гибкость, однако главным побудительным мотивом к такому развороту стала, по всей видимости, необходимость снять остроту кризиса перед визитом в Китай²⁴. Расчет, возможно, строился на том, что силовое давление на Киев может быть возобновлено в любой момент и эскалация будет легко восстановлена на том уровне, откуда началось ее снижение после квазиреферендума в Донецкой и Луганской областях. Исключить такой вариант развития событий нельзя ввиду сохранения силовой структуры конфликта, но издержки нового витка эскалации для России серьезно возросли после выхода Украины из надира революционной ситуации.

Разветвления траектории кризисного развития

Великодушное согласие Путина признать результаты президентских выборов на Украине не отменяет ни высокой вероятности новой вспышки конфликта, ни углубления быстро сформировавшейся конфронтации между Россией и Западом. Именно развитие украинского кризиса будет главным фактором изменения международного положения России на ближайшую перспективу. Исходя из этого, можно сконструировать три базисных сценария. Первый описывает резкую эскалацию вооруженных столкновений на украинском Востоке, второй — валотекущую гражданскую войну, ограниченную в основном Донецкой и Луганской областями,

третий — постепенную стабилизацию обстановки на Украине и восстановление государственных структур на всей территории страны, кроме Крыма. Под влиянием кризисов второго плана эти сценарии разветвляются на переплетающиеся и расходящиеся ветви, из которых лишь несколько можно описать с той степенью достоверности, которая задается логикой февральско — майского цикла. Попыткам описать спектр внешнеполитических перспектив препятствует короткий горизонт обозрения (упирающийся в российские и американские выборы в 2016 году) и узкий коридор маневрирования, заданный резким сужением рамок взаимодействия России и Запада, для которого сотрудничество с режимом Путина становится лишь одним из возможных средств его сдерживания, которое раньше или позже приведет к его устранению.

Сценарий (А) раскола Украины в результате распространения военных действий по всему Юго-Востоку выглядел основным и даже неотвратимым в начале мая, когда Путин произнес роковое слово «Новороссия»²⁵. Дав задний ход и продолжая тактическое отступление до середины июня (момент завершения работы над данной статьей), Москва получила возможность уточнить оценку рисков данного сценария и убедиться в их неприемлемости. Однако для многих участников конфликта, которые описываются термином «*conflict entrepreneurs*», вооруженный сепаратизм остается единственным путем захвата и удержания власти²⁶. Их активные действия против правительственных войск, вынужденных применять авиацию и тяжелое вооружение, могут поставить Россию уже летом 2014 года перед необходимостью интервенции, силы и средства для которой уже были подготовлены и просчитаны²⁷. Основательность этих планов будет, как всегда, опровергнута непредсказуемым ходом войны, но не вызывает

сомнений возрастающая готовность НАТО, захваченного врасплох крымским «блицкригом», оказать противодействие российской интервенции. Прямое вовлечение американских или, к примеру, польских войск в боевые действия на территории Украины представляется крайне маловероятным, но альянс будет готов использовать полный набор не прямых способов применения силы в купе с предельно жесткими санкциями. Уязвимость российской экономики к мерам финансового наказания лишь увеличилась на фоне разви-

ные в «пятую колонну» оппозиционеры²⁹. По мере нарастания проблем в экономике России, которые усугубляются в результате уже введенных санкций, ее ценность как партнера будет падать, и Пекин без церемоний будет требовать все новых привилегий³⁰. Подписанный с большой помпой газовый контракт, колоссальный по объему обязательств по инвестициям в инфраструктуру, может служить примером умения Китая воспользоваться сложностями партнера: Китай сумел добиться от Газпрома

“Статус младшего партнера и «сырьевого придатка» доминантного Китая не отвечает привычным культурным установкам российского общества”.

вающейся рецессии, и цена военной интервенции может оказаться неподъемной²⁸. Этот сценарий, таким образом, имеет весьма ограниченную длительность и не дотягивается даже до лета 2015 года.

Сценарий (В) затяжной, но низкоинтенсивной гражданской войны, не выходящей за пределы крайнего востока Украины, имеет более длительную перспективу, но в любых его вариантах сохраняется высокая опасность срыва в вышеописанный кризис резкой эскалации боевых действий. Можно выделить три основных варианта, различающиеся уровнем сотрудничества России с Китаем и жесткостью конфронтации с Западом.

В первом варианте обе переменных имеют максимальное значение, то есть Россия стремится компенсировать разрыв связей с Европой и США быстрым развитием партнерско-союзнических отношений с Китаем. Именно такой вариант выглядит предпочтительным для российского руководства после майского визита Путина в Шанхай, но сомнения в его осуществимости высказывают отнюдь не только построен-

максимально благоприятных условий, в первую очередь, ликвидации принципа «бери-или-плати»³¹. Геополитический разворот с запада на восток выглядит спасительным маневром, но на самом деле чреват не только затяжным экономическим спадом и репутационными потерями, но и глубоким кризисом социальной и государственной идентичности. Статус младшего партнера и «сырьевого придатка» доминантного Китая не отвечает ни привычным культурным установкам российского общества, ни разветвленным коррупционным связям элит, которые не удастся переформатировать по непостижимым для россиян правилам китайской коррупции.

Второй вариант описывает средневзвешенную траекторию, на которой определенное укрепление связей с Китаем дополняется некоторым восстановлением отношений с Европой³². Главным направлением внешней политики при этом становится строительство собственного «полюса силы» в виде Евразийского союза, ядро которого составляет плотный союз с Беларусью и Казахстаном. Украинский кризис оказал негативное воз-

действие на реализацию этого проекта, и ради того, чтобы удержать Союз на плаву, понадобилось его существенно облегчить, сбросив сложные проблемы, такие как единая валюта или общее гражданство³³. Путину придется продавливать решение этих проблем одновременно с включением в структуры ЕАЭС Армении, что не может не создать трудностей в отношениях с Азербайджаном. России будет необходимо не только добиться согласия союзников на включение Крыма в зону общего экономического пространства, но и подтянуть к ней свои «подопечные

творечиях в альянсе³⁶. Грубое давление, в особенности на Латвию или Эстонию, скорее всего, даст результат обратный желаемому, но более умелые маневры с упором на экспорт коррупции могут серьезно снизить пресловутый общий знаменатель единой североатлантической позиции. Важной составляющей российской политики в этом варианте будет упрочение партнерства с Турцией, которая накопила собственный запас противоречий и с США, и особенно с ЕС³⁷.

Сценарий (С), исходящий из нормализации обстановки в Восточной Украине и упроче-

“Идея о трансформации Украины в «буферную зону» имеют сторонников на Западе, но не совместимы с базовыми ценностями и конкретными интересами как ЕС, так и НАТО”.

территории», включая и отдельные куски Восточной Украины³⁴. Очевидно, что реализация таких амбиций возможна лишь при значительном увеличении ресурсной базы внешней политики России, и необходимым условием такого усиления оказывается обширный кризис на Ближнем Востоке, ведущий к длительному росту цен на нефть.

В третьем варианте партнерские отношения с Китаем осложняются, и России приходится искать способы восстановления связей с Европой. Причиной первого может быть эскалация конфликтов в Восточно- и Южно-Китайском морях, где Москва предпочтет сохранять нейтралитет, вызывая раздражение Пекина³⁵. Второе в условиях злокачественной нестабильности в Восточной Украине возможно только при утрате дееспособности НАТО и ослаблении лидерства США. Вероятность такого поворота событий значительно ниже, чем хотелось бы многим профессиональным патриотам, но исключать его нельзя, и можно уверенно предполагать, что Россия постарается по максимуму использовать любую возможность сыграть на про-

ния украинской государственности, в целом более позитивен, но сопряжен с полным отказом от фантазий о «Новороссии» и попыток присоединить к России «исконно русские» земли³⁸. Основными переменными в разработке этого сценария будут динамизм и сплоченность Евросоюза, определяющие силу его воздействия на Украину, а также интенсивность революционных потрясений в мире (то есть очередная «волна» революций), определяющая устойчивость правящего режима в России.

В первом варианте оба параметра имеют наивысшее абсолютное значение, и динамично развивающийся ЕС служит моделью и источником поддержки для различных и необязательно демократических революционных сил, атакующих стагнирующие авторитарные режимы.

Украина получает исторический шанс утвердить свою европейскую идентичность путем проведения глубоких реформ, но резонно воспринимает Россию как экзистенциальную угрозу своей государственности³⁹. У Москвы нет возможности замедлить

вестернизацию Украины, поскольку она вынуждена сосредоточиться на отражении критических угроз собственной безопасности, возникающих вследствие крушения деспотических режимов Центральной Азии, а также нового обострения вооруженных конфликтов на Северном Кавказе⁴⁰. Единственным внешним фактором, дающим России возможность противостоять этим угрозам, является рост нестабильности на Ближнем Востоке (аналогично второму варианту Сценария В). Это не снимает неизбежности жесткой постановки вопроса о «возвращении» Крыма — со стороны сплоченного Запада и продвигающейся к членству в НАТО Украины. Для блокирования этого вопроса Путин может инициировать эскалацию одного из многочисленных локальных революционных кризисов, например в Азербайджане, но существует и вероятность того, что Крым может оказаться удобной уступкой для разгрызания интриги сохранения путинского режима без Путина.

Второй вариант задается умеренным динамизмом в выходе Евросоюза из затяжного кризиса начала 2010-х годов и эпизодическими революционными кризисами, в том числе и на пространстве бывшего СССР. Неизбежные разногласия в евро-атлантическом лагере оставляют России возможность настаивать на «нейтралитете» или «финляндизации» Украины, которая, несмотря на сложности в продвижении реформ, по мнению Федора Лукьянова, «все равно будет пытаться всеми возможными способами дрейфовать на Запад»⁴¹. Идеи о трансформации Украины в традиционную «буферную зону» имеют сторонников на Западе, но не совместимы с базовыми ценностями и конкретными интересами как ЕС, так и НАТО, для которых центральной задачей остается восстановление устойчивости европейской системы безопасности⁴². Россия, даже отступив из Восточной Украины, остается главной

угрозой для этой системы, но ее экономическая слабость определяет тщетность попыток «светского полицейского государства» (как обозначил Россию Владимир Пастухов) играть роль системного центра, сопоставимого с самодостаточным СССР⁴³. Любой революционный спазм в Центральной Азии, неизбежность которых не вызывает сомнений, может вызвать резонанс в России, вынужденной отвлекать усилия для сдерживания «патриотических» сил, мобилизованных в ходе неосуществленного «освободительного похода» в Донбасс.

Третий вариант предусматривает хроническую слабость Евросоюза и затухание революционных потрясений, включая относительную стабилизацию обстановки в Афганистане. Майские выборы в Европарламент указывают на реальную вероятность первого параметра, и при этом, как меланхолично заметил один из крупнейших американских экономистов, «главными победителями на выборах в Европарламент, по-видимому, станут те, кто встанет на сторону Путина в украинском кризисе»⁴⁴. Воспользоваться этой слабостью Москве будет тем не менее весьма сложно, поскольку вялая экономическая динамика в Европе будет способствовать усугублению экономической рецессии в России. Трансформация режимов в Центральной Азии в русле «мягкой исламизации» будет выгоднее Китаю, чем России, утрачивающей влияние в этом регионе — для России огромной проблемой может стать выход Ирана из экономической блокады — и умеренное снижение цен на нефть⁴⁵. При всей неотстроенности политической системы Украины, она может оказаться более гибкой в период экономической депрессии, чем громоздкая политическая машина России, которая набрала высокие обороты на старте украинского кризиса, но может не выдержать демобилизации.

Пусть впереди большие перемены

Экспертное сообщество и в России, и на Западе с видимым удовольствием анализирует структуры новой «холодной войны», хотя ограниченная пригодность этой апробированной модели конфронтации слишком очевидна. Дело не только в том, что Россия качественно уступает СССР в любом измерении «жесткой» и «мягкой» силы и не в состоянии исполнить роль принципиального антагониста Запада, как бы этого ни хотелось ветеранам «холодной войны» по обе стороны воображаемого занавеса. Дело главным образом в том, что структура военно-политического противостояния в 1945–1990 годах отличалась высокой степенью устойчивости, тогда как в остром конфликте, развивающемся с начала 2014-го, именно неопределенность, непредсказуемость и неустойчивость являются ключевыми характеристиками.

Российское руководство, изображая непоколебимую уверенность в завтрашнем дне, на самом деле, крайне остро чувствует эту неустойчивость — отсюда и навязчи-

вая тревога по поводу угрозы «цветных революций», которые признаны не только инструментом политики враждебного Запада, но и новой формой ведения войны⁴⁶. Шаткость опорных структур режима задается в основном действием внутренних сил (которые рассматриваются в других статьях этого номера), но роль внешних факторов значительно повысилась в ходе продолжающейся серии действий по взаимному сдерживанию. Нагнетание враждебности к Западу стало важнейшим средством для преодоления разрыва между правящей элитой и средним классом, но этот курс быстро привел к опасной черте, за которой ущерб от санкций и контрударов противника становился неприемлемым. Выверенность вызовов и компромиссов оказалась критически важной в поддержании новой конфронтации, но характер принятия решений в авторитарных режимах задает высокую вероятность грубых просчетов. Крымский аншлюс в этом плане имеет много общего с вторжением на Фолклендские острова, предпринятым аргентинской хунтой в

Таблица 1

СЦЕНАРИИ И ВАРИАНТЫ ИЗМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПОЛОЖЕНИЯ РОССИИ				
	Украина	Запад	Китай	Евразия
Сценарий А	Война и раскол	Жесткая конфронтация	Невмешательство	Развал ЕАЭС
Сценарий В	Локальная война			
Вариант 1		Конфронтация	Доминирующий союзник	Размывание ЕАЭС
Вариант 2		Мягкая конфронтация	Стратегический партнер	Продвинутая интеграция
Вариант 3		Выборочное восстановление	Осложнения	Укрепление ЕАЭС
Сценарий С	Нормализация			
Вариант 1		Мягкая конфронтация	Стратегический партнер	Дестабилизация
Вариант 2		Выборочное восстановление	Партнерство и соперничество	Размывание ЕАЭС
Вариант 3		Взаимный упадок	Осложнения	Доминирование Китая

1982 году, или вторжением Ливии в Чад, закончившемся полным поражением войск Каддафи в 1987-м, или вторжением Ирака в Кувейт летом 1990-го.

Конфронтация с Западом стала условием существования российской политической системы, но резко повысила цену ошибок при проецировании силы, готовность к которому рассматривается как главное конкурентное преимущество. Не имея серьезных ресурсов наращивания силового потенциала, Россия пошла поперек центральной тенденции формирующегося многополярного мира, где главным критерием успеха и влияния служит экономический динамизм. Пытаясь играть на рисках эскалации и деэскалации украинского кризиса, Москва усугубляет свое неблагоприятное международное положение, в котором частичная изоляция закрывает и без того не блестящие перспективы экономической модернизации, а наращивание связей по оставшимся

направлениям оказывается высокочрезвычайно затратным. Китай не стесняется извлекать прямую выгоду из превращения стратегического партнерства с Россией в ее основную точку опоры на международной арене, и при этом его руководство трезво оценивает высокую уязвимость российской позиции. Эта уязвимость определяется жесткой заданностью дальнейших шагов, необходимых для защиты акта территориальной экспансии. Каждая попытка Москвы стабилизировать конфронтацию на основе ситуативных компромиссов подрывается не только провокациями неправых «полевых командиров», но и невозможностью построить удовлетворительный баланс приобретений и потерь. Необходимость компенсировать нарастающую сумму просчетов и ошибок заставляет вновь захватывать инициативу в эскалации кризиса — и приближает Россию к поражению, которое угрожает основам ее неустойчивой государственности. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Об упадке политической экспертизы по России см.: *Horowitz J.* Russia Experts See Thinning Ranks' Effect on US Policy // *International New York Times*. 2014. March 6 (http://www.nytimes.com/2014/03/07/world/europe/american-experts-on-russia.html?_r=0).

² Мой анализ российских представлений о многополярности см.: *Baev P. K.* Defying That Sinking Feeling: Russia Seeks to Uphold Its Role in the Multi-Structural International System in Flux // *Perspectives on Russian Foreign Policy* / S. Blank (ed.). Carlisle Barracks PA: US Army War College, 2012.

³ Об этих непредвиденных последствиях условный Charlemagne высказался с характерной иронией: "Mr Putin has not only rekindled relations between America and Europe, but also hastened Russia's divorce from many ex-Soviet partners, despite trying to win them back by fair means or foul". См.: *Putin's Arrow: The Crisis in Ukraine*

Reinvigorating Transatlantic Ties // *The Economist*. 2014. March 29 (<http://www.economist.com/news/europe/21599802-crisis-ukraine-reinvigorating-transatlantic-ties-putins-arrow>).

⁴ Одной из влиятельных работ такого плана остается: *Asmus R. D.* *A Little War That Shook the World*. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2010.

⁵ См., например: *Nexon D.* The "Failure" of the "Reset": Obama's Great Mistake? Or Putin's? // *Washington Post*. 2014. March 4 (<http://www.washingtonpost.com/blogs/monkey-cage/wp/2014/03/04/the-failure-of-the-reset-obamas-great-mistake-or-putinss/>).

⁶ См.: *Lucas E.* *Russia's New Cold War* // *Wall Street Journal*. 2014. Febr. 19 (<http://online.wsj.com/news/articles/SB10001424052702304675504579388913610934806>).

⁷ Взвешенный анализ этой интервенции можно найти в седьмой главе ("Russian Intervention in Georgia 2008") основательной работы: *Allison R.*

Russia, the West and Military Intervention. Oxford: Oxford Univ. Press, 2013.

⁸ Оценку этой готовности см.: *Galeotti M.* Deconstructing Victory Day // Russia! 2014. May 10 (<http://readrussia.com/2014/05/10/deconstructing-victory-day/>).

⁹ Попытка подвести баланс издержек и достижений радикальной перестройки вооруженных сил сделана в статье: *Баев П.* Траектория военной реформы в России // Pro et Contra. 2012. Июль-окт. (<http://www.carnegie.ru/proetcontra/?fa=50675>).

¹⁰ Именно к этому моменту, по всей видимости, восходит отношение, точно схваченное одним бывшим кремлевским инсайдером: «Путин, несомненно, испытывает отвращение при виде революции, буквально физиологическое». См.: *Павловский Г.* Путин в дни Великой русско-украинской революции // Гэфтер, 14 марта 2014 (<http://gefter.ru/archive/11640>). См. также: *Ioffe J.* What Really Scares Vladimir Putin the Most // New Republic. 2013. Sept. 29 (<http://www.newrepublic.com/article/114804/whats-behind-vladimir-putins-syria-policy>).

¹¹ См.: *Лукьянов Ф.* Дипломатия третьего десятилетия // Газета.ру. 9 янв. 2014 (<http://www.gazeta.ru/comments/column/lukyanov/5834329.shtml>).

¹² См., например: *Бартош А.* Цели и механизмы модели управляемого хаоса // Независимое военное обозрение. 2013. 27 сент. (http://nvo.ng.ru/concepts/2013-09-27/6_chaos.html).

¹³ Самое примечательное в этой комбинации геополитики и теории заговора — ее эффективная трансляция в социальных слоях, ранее именовавшихся интеллигенцией, которые призваны выступать носителями критической мысли. См., например: *Жиртуева Н.* Украина и Крым в жерновах мировой геополитики // РИА-Новости. 2014. 12 марта (<http://rian.com.ua/analytics/20140312/340930745.html>).

¹⁴ См.: *Тренин Д.* Одиночное плавание. М.: Центр Карнеги, 2009.

¹⁵ См.: *Караганов С.* Союз Европы: последний шанс? // Россия в глобальной политике. 2010. 9 июль (<http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Soyuz-Evropy-poslednii-shans-14943>).

¹⁶ Российские эксперты честно пытались придать серьезный вид этой пустой инициативе; см., например: *Данилов Д.* Договор о европейской безопасности в рамках треугольника ЕС — США —

НАТО // Индекс безопасности. Дек. 2010 (<http://www.pircenter.org/articles/163-the-european-security-treaty-within-the-eu-usanato-triangle>).

¹⁷ Примером злой критики Газпрома может служить статья: *Ashund A.* Why Gazprom Resembles a Crime Syndicate // Moscow Times. 28 Febr. 2012 (<http://www.themoscowtimes.com/opinion/article/why-gazprom-resembles-a-crime-syndicate/453762.html>).

¹⁸ Отсутствие ресурсов для реализации этих амбиций было очевидно с самого запуска программы в 2009 году, но признание этого факта стало неизбежным только после провала вильнюсского саммита в ноябре 2013-го. См.: *Rachman G.* Europe Has Lost the Ability to Shape Its Neighbours // Financial Times. 2014. May 20.

¹⁹ См. об этом: *Gregory P. R.* Emphasizing With the Devil: How Germany's Putin-Verstehers Shield Russia // Forbes. 2014. May 4 (<http://www.forbes.com/sites/paulroderickgregory/2014/04/05/empathizing-with-the-devil-how-germanys-putin-verstehers-shield-russia/>).

²⁰ О резонансе этого нарушения международного права см.: *Shevtsova L.* The Putin Doctrine: Myth, Provocation, Blackmail, or the Real Deal? // American Interest. 2014. Apr. 14 (<http://www.the-american-interest.com/articles/2014/04/14/the-putin-doctrine-myth-provocation-blackmail-or-the-real-deal/>).

²¹ Основательное мнение о необходимости дальнейших шагов в этом направлении высказано в статье: *Pifer S.* NATO Looks Divided and Its Eastern Members Look Exposed // Financial Times. 2014. May 19 (<http://www.brookings.edu/experts/pifers>).

²² Вопрос о недостаточности развернутой группировки для решения задачи эффективной оккупации двух областей (не говоря уже о ключевом для Восточной Украины Харькове) убедительно ставил Александр Гольц (с которым автор в середине мая имел возможность обсудить эти ограничители); см.: Российским войскам опять приказано отойти от границы // Ежедневный журнал, 2014. 19 мая (<http://ej.ru/?a=note&id=25160>).

²³ Утечка информации о содержании этого пакета была весьма своевременной, см.: *Exclusive: EU Weights Russia Sanctions From Caviar to Oil and Gas* // Reuters. 2014. May 23 (<http://www.reuters.com/article/2014/05/23/us-ukraine-crisis-exclusive-idUSBREA4M0J020140523>).

²⁴ Это мнение в развернутом виде см.: *Ваво P.* Going to Beijing, Putin Opted for Backing-off in Ukraine // Eurasia Daily Monitor. 2014. May 19 (http://www.jamestown.org/programs/edm/single/?tx_ttnews%5Btt_news%5D=42380&tx_ttnews%5BbackPid%5D=756&no_cache=1#.U4EEEn8uKDIU).

²⁵ См., например: *Robins-Early N.* Here Is Why Putin Calling Eastern Ukraine “Novorossiya” is Important // Huffington Post. 2014. Apr. 20 (http://www.huffingtonpost.com/2014/04/18/putin-novorossiya-ukraine_n_5173559.html).

²⁶ О неуправляемости «ополченцев» см.: *Mallack C.* Why Putin’s Ukrainian “New Russia” Could Be an Ungovernable Mess // Bloomberg Business Week. 2014. May 5 (<http://www.businessweek.com/articles/2014-05-05/why-putins-ukrainian-new-russia-could-be-an-ungovernable-mess>).

²⁷ Оценка боеспособности российских войск остается умозрительной; см. об этом: *Putin’s New Model Army* // The Economist. 2014. May 24 (<http://www.economist.com/news/europe/21602743-money-and-reform-have-given-russia-armed-forces-it-can-use-putins-new-model-army>).

²⁸ Экспертное мнение на эту тему см.: *Åslund A.* Russia Is in No Economic Shape to Fight a War // Moscow Times. 2014. Apr. 22 (<http://www.themoscowtimes.com/opinion/article/russia-is-in-no-economic-shape-to-fight-a-war/498728.html>).

²⁹ См., например: *Адоманис М.* Почему экономический союз России и Китая невозможен // Слон.ру. 2014. 26 мая (http://slon.ru/economics/pochemu_ekonomicheskij_soyuz_rossii_i_kitaya_nevozmozhen-1103414.xhtml).

³⁰ О неравноправности партнерства см.: *Каушн В.* Благожелательный баланс // Россия в глобальной политике. 2014. 27 апр. (<http://www.globalaffairs.ru/number/Blagozhelatelnii-balans-16589>).

³¹ Компетентная оценка этой сделки дана в статье Михаила Крутихина: Шанхайский набат // The New Times. 2014. May 26 (<http://www.newtimes.ru/articles/detail/82783/>).

³² Обоснование возможности такого баланса дается в статье: *Weafer Ch.* Russia Needs to Pivot East and West // Moscow Times. 2014. May 7 (<http://www.themoscowtimes.com/opinion/article/russia-needs-to-pivot-east-and-west/499792.html>).

³³ См. об этом: *Barbashin A.* A Eurasian Union No More? // The National Interest. 2014. Apr. 23 ([http://nationalinterest.org/feature/eurasian-](http://nationalinterest.org/feature/eurasian-union-no-more-10296)

[union-no-more-10296](http://nationalinterest.org/feature/eurasian-union-no-more-10296)); заслуживает внимания также: *Сатнаев Д.* Переход на крымское время // Независимая газета. 2014. 27 мая (http://www.ng.ru/stsenarii/2014-05-27/9_geopolitika.html).

³⁴ Любопытное рассуждение на эту тему см.: *Байер А.* Новороссия как новая ГДР // Ведомости. 2014. 26 мая (<http://www.vedomosti.ru/opinion/news/26954051/novorossiya-kak-novaya-gdr>).

³⁵ Серьезное предупреждение об опасности этих микроконфликтов содержится в статье: *Рубини Н.* Глобальный эпицентр в Азии // Россия в глобальной политике. 2014. 7 мая (<http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Globalnyi-epitcentr-v-Azii-16620>); см. также: *Мосяков Д.* На грани фола: Политика Китая в Южно-Китайском море // Индекс Безопасности. Т. 19. Зима 2013 (<http://www.pircenter.org/articles/1593-na-grani-fola-politika-kitaya-v-yuzhnokitajskom-more>).

³⁶ Неустойчивость лидерства США акцентируется в статье Александра Храмчихина: Геополитический тупик Вашингтона // Независимая газета. 2014. 23 мая (http://www.ng.ru/realty/2014-05-23/1_washington.html).

³⁷ Грамотная оценка этих противоречий дается в статье: *Бусыгина И.* Нужна ли Турции Большая Европа? // РСМД. 2014. 20 марта (http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3343#top).

³⁸ Порочность этих фантазий предметно доказывается в материале Дмитрия Орешкина: Никакой Новороссии нет // Новая газета. 2014. 12 мая (<http://www.novayagazeta.ru/politics/63501.html>). Ярким примером их претворения в политическую жизнь может служить: *Дугин А.* Рождение Новороссии – главное событие минувшей недели // РИА-Новости. 2014. 19 мая (<http://ria.com.ua/view/20140519/349469436.html>).

³⁹ Как подчеркивает Лоренс Фридман, один из самых уважаемых английских специалистов в области стратегии: «Наихудшим для России является такое развитие событий, при котором происходит возрождение Украины под присмотром Запада, которое создает контраст с политико-экономической стагнацией в самой России. Россия уже потеряла Украину в качестве конструктивного элемента в большом (российском) геополитическом проекте, а ее влияние на постсоветском пространстве оказалось подорвано». См.: *Freedman L.* Ukraine and the Art of Crisis Management // Survival. Vol. 56. Spring 2014. P. 7–42 (<http://www.iiss.org/en/regions/ukraine/56-3-02-freedman-6162>).

⁴⁰ Массовые протесты в Абхазии, которые едва не привели к революции, могут оказаться первым звеном в этой цепи кризисов; см.: *Рокс Ю.* Абхазцы разочаровались в жесткой руке // Независимая газета. 2014. 29 мая (http://www.ng.ru/cis/2014-05-29/1_abhazia.html).

⁴¹ См.: *Лукьянов Ф.* Следующая остановка — Дейтон // Газета.ру. 26 мая 2014 (<http://www.gazeta.ru/comments/column/lukyanov/6048309.shtml>).

⁴² Одним из первых подал свой голос за «финляндизацию» патриарх американской дипломатии, см.: *Kissinger H. A.* How the Ukrainian Crisis Ends // Washington Post. 2014. March 5 (http://www.washingtonpost.com/opinions/henry-kissinger-to-settle-the-ukraine-crisis-start-at-the-end/2014/03/05/46dad868-a496-11e3-8466-d34c451760b9_story.html).

⁴³ См.: *Пастухов В.* Витязь на распутье: старые

сказки о российской государственности на новый лад // Полит.ру. 2014. 25 мая (<http://polit.ru/article/2014/05/25/crossroads/>).

⁴⁴ См.: *Krugman P.* Crisis of the Eurocrats // International New York Times. 2014. May 22 (http://www.nytimes.com/2014/05/23/opinion/krugman-crisis-of-the-eurocrats.html?_r=0).

⁴⁵ Интересное мнение о политическом исламе в Центральной Азии высказано в статье: *Starr F.* Moderate Islam? Look to Central Asia // International New York Times. 2014. Febr. 26 (http://www.nytimes.com/2014/02/27/opinion/moderate-islam-look-to-central-asia.html?partner=rssnyt&emc=rss&_r=3).

⁴⁶ Об этой новации в теории войн см.: *Гольц А.* Минобороны оживляет путинские фантомы // Ежедневный журнал. 2014. 26 мая (<http://ej.ru/?a=note&id=25204>).